

Битлы и Стравинский олицетворяли свободу

«НОЧЬ МУЗЕЕВ» НА ТЕМУ «ОТКРЫТИЕ» ГЛАЗАМИ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ВЕЧЁРКИ»

Вудсток в нашем столетии все же возможен!

«Нет» — войне, «да» — любви

В Музее современного искусства «Эрарта» представили программу «Свобода быть хиппи».

ПЕРВОЕ, что бросилось в глаза на подступах к зданию музея, — невероятное количество молодых людей, расположившихся на поребриках тротуаров, газонах и просто на асфальте. Некоторые даже с гитарами, бонгами и бубнами. Все как один, вне зависимости от пола и возраста, — в свободных льняных одеяниях, увешанные бусами и всевозможными «фенечками». Каждая такая компания накачивалась вином или пивом, и даже молнии, расчерчивающие небо, и хлынувший дождь их особо не пугали. Отговсюду звучали выводящие нестройными голосами «Хэй, Джуд» или «Белый Кролик». Внутри «Эрарты» творилось то еще столпотворение: все те же персонажи переползали с этажа на этаж, что-то громко обсуждали и демонстративно пили кофе из пластиковых стаканчиков.

Об идее этого хиппи-сейшена я решил расспросить Анастасию Блохину, руководителя пиар-отдела «Эрарты».

— Что вас натолкнуло на проведение хиппи-вечеринки? С чего вдруг?

— Понимаете, у нынешней «Ночи музеев» тема заявлена как «Открытие». Мы, как музей современного искусства, с натяжкой можем претендовать на открытие чего-либо скрытого в веках, поэтому решили «привязаться» к теме открытого сознания и сделать ночь в стиле хиппи. Вот и все.

— И как, живо ли движение хиппи в XXI веке?

— Могу сказать, что на этот момент у нас побывало 7000 человек!

— Как думаете, чем вам удалось так зацепить горожан?

— Знаете, это как Хеллоуин: мы хотим нарядиться, но не знаем, как и куда. На обычную вечеринку или в офис никто не заявит с обилием бус и в сарафане. Нас не поймут. Плюс культура хиппи непосредственно связана с современным искусством, и при этом только она ассоциируется с позитивным душевным настроением. Более того, тяга народа к винтажу видна невооруженным глазом: если посмотреть на модные коллекции, то он в тренде уже последних лет семь, и эта мода постоянно ссылается на культуру хиппи.

— То есть Вудсток в нашем столетии все же возможен?

— Отчего нет? Пойдемте на пятый этаж, я вам все покажу.

«Вудсток» был уже слышен с третьего этажа. Какая-то группа вояно наяривала битловскую «Хард дэйз найт». Картина, открывшаяся мне в зале, оказалась весьма забавна: на полу разложен искусственный зеленый газон, на нем люди разных возрастов, рассевшись по-турецки или развалившись, как тлоны на лежбище, внимают музыке. Остальные лихо отплясывают за спинами отдыхающих.

Что ж, антураж передан верно. Не хватало только характерного для подобных эвентов сладковатого аромата марихуаны...

Алексей БЛАХНОВ

Перекоп взят!

На подходе к Артиллерийскому музею мы видим джип времен Великой Отечественной. В нем сидят бойцы с красным флагом и с автоматами. МИМО проходят сестры милосердия и бойцы интербригад, прямиком из гражданской войны в Испании.

Дальше — больше. Прошлое смешивается и спутывается узлами. Рядом расположились лагерь средневековых рыцарей, древних римлян и солдат различных конфликтов XX века. Английский солдат времен Первой мировой в портянках и плоском шлеме-блюде раздает листовки в стиле начала века: высянется, что можно «прочувствовать», что значит стереть ноги до крови, продираясь сквозь изгородь Нормандии» и «принести на плечах Победу сквозь грязь Рурского котла», — если присоединишься к этому клубу.

Вокруг ярмарка: можно пострелять из лука, из ружья или кидать копьей, купить себе литой молоток Тора или, скажем, отчеканить копию старинной монеты.

Вокруг гуляют варвары — союзники римских легионов. Они невероятно похожи на современных хипстеров: интересные причёски, штаны в обляпочку и клетчатые рубашки. В римском лагере стоит алтарь, посвященный Юпитеру, Юноне, Марсу и всем остальным, а рядом — совсем настоящая античная баллиста.

— Ее сделал Борисыч из Нижнего Новгорода, — объясняет мне скиф в войлочной шапке из клуба «Анабасис». — Стреляет на расстоянии 65 метров.

— Она уже очень потрепанная, в стольких переделках побывала, что совсем разваливается, — рассказывает мне легионер Борисыч. — Я теперь делаю новую, в два с половиной раза больше. Будет стрелять на 250 метров. А что, вам тоже нужно что-нибудь такое собрать?

Тут начинается конный рыцарский турнир. Сначала рубят капусту и надевают кольцо на копьей — лучше всех оказывается не западный рыцарь, а некий боярин Сергей. Публика умеренно радуется. Куда большие восторги вызывает сшибка на копьях и простая рубка на топорах и мечах. Железо лязгает о железо, лошади привстают на дыбы и несутся прямо на зрителей.

Потом история сдвигается ближе к нашему времени. Белогвардейцы, отступая, защищают крымский Перекоп от революционных матросов и других бойцов армии Фрунзе. Оглушительно стучит пулемет, летят гранаты-петарды. Одна взрывается рядом со зрителями, и всех присыпает грязью. Как и в истории, отбиться белым не удается: Перекоп взят.

«Пыль — пыль — пыль — пыль — от шагающих сапог! И отпуска нет на войне!»

Ночь, музыка, аншлаг, аплодисменты

Впервые в своей истории Филармония участвовала в «Ночи музеев».

12 ЧАСОВ МУЗЫКИ. С 18.00 до 6.00. Хотелось услышать все. Разогнаться Штраусом, Гершвином и Пьяццоллой. Познакомиться с внуком Прокофьева Габриэлем, который — уже коренной англичанин — привез в Петербург из Лондона музыку свою и деда, стихи отца. И далее — классика и авангард до самого утра. Но половина суток музыки — непозволительная для журналиста роскошь...

Очередь в Филармонию начиналась от самого Невского проспекта. В очереди ваш корреспондент ждал чуда музыки и боялся запаха попкорна и пива в академическом зале.

Говорят, филармонисты тоже боялись. Поэтому на программе написали подробные инструкции: как в зал входить, когда аплодировать, чтобы никому не мешать. Правда, тысяча программков на всех, как предполагалось, не хватило — за первый час разобрали. Поэтому иногда хлопки раздавались не в тему, но музыканты только улыбались. И пусть публика порой была в шортах, кенгурухах, кроссовках, но это была новая публика!

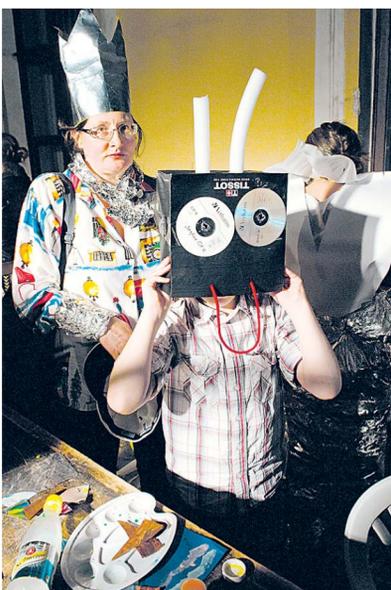
На нас сразу обрушили Стравинского. Ядерную смесь русских народных песен из собрания Афанасьева и явных отзву-

ков американского джаза в «Сказке о беглом солдате и чёрте для чтеца и инструментального ансамбля». А в следующий час добавили Шёнберга, Крама и Радвилевича — родоначальника и последователей музыкального авангарда. Это когда рояль становится ударным и щипковым. Слушать их, зная, что пропустил Бетховена, это как сокуровского «Фауста» смотреть с утра после овсяной каши с молоком. Депрессия! Но в следующем часе Чайковский с Бартоком быстро вернули равновесие. А Моцарт для струнного квартета и Дебюсси для арфы излечили совсем. Рассвет встречали органом. Точку в концерте поставил Тимур Халилиulin, сделав импровизацию с цитатами из «Утра» Грига. Ночь удалась!

Перед уходом корреспонденту «ВП» удалось задать вопрос заместителю художественного руководителя Филармонии Ирине Родионовой.

— Когда решили подключиться к «Ночи музеев», не боялись, что в Филармонию пойдут с пивом?

— Боялись не этого. Боялись, что не будет народа, что придут единицы. Но такого наплыва посетителей, какой был сегодня, мы не ожидали! Такого количества молодых лиц я в Большом зале не видела.

Одежда из картона, компакт-дисков и чего-то непонятного от футуристического ателье.

Все логично: там дымит Гражданская война, а здесь — в Музее Анны Ахматовой — авангард и пока еще не придуманный футуризм. Сквозь деревья волшебного просвечивают лучи разноцветных фонарей. В самом центре двора — какая-то розоватая прозрачная конструкция из палок и материи. Висят в воздухе шары и другие геометрические фигуры. Абстракционизм обретает третье измерение.

«Плону, плону в небо — потушу звезду»

МИМО ходят люди в одежде из картона, осколков компакт-дисков и еще чего-то непонятного. Это работает футуристическое ателье.

Идиллию света вдруг нарушают звуки: дикий ляг и дудение. Группа молодых людей, в совершенном восторге от самих себя, лупят в кастрюли и жмут изо всей мочи клаксоны. При этом они маршируют на месте и декламируют «Интернационал». Воют сирены.

— Что тут происходит, расскажите мне! — прошу я одну из зачинщиц. У девушки на лице нарисованы разноцветные геометрические фигуры.

— А это, знаете ли, вакханалия... На самом деле мы исполняли «Симфонию гудков» Арсения Аврамова, советского авангардиста. В этой симфонии соединяются заводские гудки, стук поездов, звон церковных колоколов. Это хаос городских звуков. У нас, конечно, вместо колоколов — колокольчики. Но все равно что-то получилось.

— А вот и вы! — накидывается вдруг на меня незнакомец с нарисованными на лице очками. — Стыдно столько лет бегать от экзамена — с 1918 года! Вы про футуризм что-то подготовили за эти годы? Каков уровень вашей безграмотности? Хлебников, Маяковский — слышали? Угадывайте теперь, чьи это строчки:

Плону, плону в небо —

Потушу звезду; соберемся, вместе

Плонем... Сможем солнце погасить!..

— Не знаете? — продолжает преподавательница. — Давид Бурлюк! Ладно, дарю четыре с плюсом... Но вообще это колоссальная наглость, я больше не буду бегать за вами с зачеткой.

Публика изнемогает, столпившись у одноэтажной пристройки к Фонтанному дому. Ждут выступления театра пластики рук «Hand Made». Начинают уже хлопать и звать.

Вдруг на крыше пристройки появляются черные фигуры. Руки их до локтя белы. Звучит свиридовская «Время, вперед!». Черные фигуры как бы исчезают из поля зрения, а белые руки их превращаются в пятиконечную звезду, в солнце, в очертания Кремля и Петропавловки, в лицо, в слова «ФУТУРИЗМ» и «МАЯКОВСКИЙ». Оторваться от этого зрелища невозможно...

Федор ДУБШАН

В «Ночь музеев» пространство депо трансформировалось в улицу 70-х годов прошлого века.

Одной левой!

Экспозиция Музея городского электрического транспорта впечатлила: на площади в 165 кв. метров — трамвай, автобусы и троллейбусы... Проще говоря, перед глазами посетителя — эволюция общественного транспорта города за весь период его существования. Корреспондент «ВП» прокатился на ретро-трамвае, попав из века XXI в начало XX.

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНИЙ вагон трамвая с лязгом тронулся, содрогаясь всем корпусом и опасно кренясь, преодолевая крутой изгиб горбатых рельс трампарка. Грохот неимоверный. Деревянная скамья, похоже, стремилась сломать мне спину. Тряска невыносимая. Мест мало. Как люди раньше на этом ездили? Но ощущение в целом непередаваемо! За локтевыми фрамугами окон вагона проплывает Средний проспект Васильевского острова, и вы созерцаете век двадцать первый, со всем его неонном и китайскими машинами, словно глядя из начала века двадцатого.

Открываются высокие двери, и вагон въезжает в депо. Под высокими сводами раскатисто лягают колеса, скрежещут тормоза. В «Ночь музеев» пространство депо трансформировалось в улицу семидесятых — автобусы, троллейбусы и автомобили этой эпохи замерли, словно на снимке из фотохроники. Каждые 25 минут прибывает тот самый ретро-трамвай, попытавшийся сломать мне спину, привозивший все новых и новых посетителей. Знаю о представленных автомобилях уже почти все, я полубойлестеством насчет подвижного состава у одного из экскурсоводов: как всякого персонажа, увлекающегося техникой, меня интересовал момент поддержания жизни в этих хрупких экземплярах.

— Вообще старые вагоны очень сложно эксплуатировать, сложно даже заставить их перемещаться по городу по современному рельсовому развязкам, — поведал мне волонтер музея Григорий Егоров. — А поддержание их в хорошем техническом состоянии — вообще отдельный разговор! Ведь многие агрегаты уже давно не выпускаются, что, впрочем, естественно, поэтому подчас приходится заказывать определенные узлы на производстве, буквально заново изобретая их у чертежной доски, восстанавливая логическим путем, что это и как оно должно было работать.

— А насколько сложно управлять оригинальным трамваем начала двадцатого века?

— Основной орган управления — это контроллер непосредственного действия. Через контактный провод в этот агрегат подается напряжение 550 вольт, и с помощью вращения рукоятки уменьшается или увеличивается скорость движения вагона. В народе она зовется «кофемолкой». Справиться с этой штукой достаточно сложно, ход у нее тугой, еще и установлена она под левую руку. Представьте себе немолодую вагоновожатую, которая двадцать лет отработала в трамвайном деле, каждый день по двенадцать часов! Неудивительно, что от вагоновожатых ленинградская шпана просто спасалась бегством — такая женщина могла раскидать несколько бугаев одной левой! Кстати, именно отсюда и появилось это выражение.

Алексей БЛАХНОВ, фото Натальи ЧАЙКИ

Михаил ТЕЛЕХОВ

И пусть публика была в джинсах и кроссовках, но это новая публика для Филармонии!